

Тийом Аполлинер
Рассказы

Гийом Аполлинер

Рассказы

«Издательские решения»

Аполлинер Г.

Рассказы / Г. Аполлинер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857261-6

В книгу вошло семь занимательных рассказов выдающегося французского поэта, прозаика и журналиста начала 20 века Гийома Аполлинера: «Король Луны», «Утром», «Матрос из Амстердама», «Албанец», «Рождество милорда», «Робинзон на вокзале Сен-Лазар», «Прогулка с тенью». Они приведены в переводе Елены Айзенштейн.

ISBN 978-5-44-857261-6

© Аполлинер Г.
© Издательские решения

Содержание

Король Луны	6
1	6
2	7
3	9
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рассказы

Гийом Аполлинер

Переводчик Елена Оскаровна Айзенштейн

© Гийом Аполлинер, 2023

© Елена Оскаровна Айзенштейн, перевод, 2023

ISBN 978-5-4485-7261-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Король Луны

1

23 февраля я шел по той части Тироля, которая начинается почти у ворот Мюнхена. Подморозило; солнце сияло в продолжение всего дня, и я оставил далеко позади себя область, где сказочные замки отражаются в розовых озерах сумерек. Наступила ночь; полная луна, потоком плывшая на небосводе, светила, мерцая холодными звездами. Было примерно пять часов. Я ускорил шаг, желая прийти к обеду в гранд отель Верп, в деревню, хорошо известную альпинистам; по карте, которая лежала в моем кармане, отель не должен был находиться дальше трех или четырех километров. Путь становился ужасным. Я пришел к перекрестку, откуда расходились четыре дороги: я хотел свериться с моей картой, но понял, что заблудился. Другая сторона места, где я находился, не отвечала ни одной точке маршрута, установленного мной перед выходом, и я отчетливо понял: я потерял дорогу. Время поджимало меня, мне не хотелось спать под прекрасными звездами. Я ступил на тропу, которая, как мне казалось, шла на Верп. Через полчаса пути я остановился в одном месте, где тропа заканчивалась перед стеной высоких скал почти в пятьдесят метров высотой, позади которой высокой хаотической массой поднимались горы, белые от снега. Вокруг меня огромные ели волновались своими высокими свешивающимися телами; так как ветер усиливался, их вершины шевелились; этот мрачный шум прибавлял ужаса пустоши, куда меня привел случай. Я понял, что будет невозможно найти Верп до конца дня и искал какой-то грот или углубление в скале, где до зари можно было бы укрыться от ветра. Как тщательно разглядывал я этот тип скалы, которая расстилалась передо мной; мне казалось, что я вижу вход, и я устремился к нему. Я понял, что передо мной просторная пещера и меня ждут приключения. Снаружи ветер сделался грознее, и в еловой равнине было что-то душераздирающее, как будто множество заблудившихся странников кричали о своем отчаянии. Через несколько минут я уже привык к пещере и уловил далекие звуки музыки. Сначала я посчитал, что ошибся, но скоро уже не сомневался больше: звуковые и гармонические волны достигали моих ушей и поступали из глубины гор. Какое удивление и какой ужас! Мне захотелось убежать. Потом любопытство взяло верх, и ошупью вдоль стены я устремился к цели, чтобы исследовать ведьминскую пещеру. Я шел вперед более четверти часа, гармонии подземного оркестра точно указывали путь, потом стена сделала резкий уклон; я повернул, чтобы изменить направление, и увидел на расстоянии, которое не мог измерить, немного цедающегося света; вокруг него, казалось, была створка. Я ускорил шаг и сразу пришел к двери.

Музыка прекратилась. Я услышал шум далекого голоса. Я говорил себе, что подземных меломанов быть не должно, кроме того, возможно, это опасные люди; с другой стороны, несмотря на мое появление, я не мог разгадать, не было ли мое приключение сверхъестественным по происхождению; дважды я постучал, но никто мне не ответил. Наконец моя рука нашла защелку, я повернул ее и не испытал никакого сопротивления. Я прошел в огромную залу, чьи стены были отделаны цветным мрамором и морскими раковинами, где царствовал полумрак; вода струилась в бассейн, в котором плавали разноцветные рыбы.

2

Долгое время я смотрел вокруг себя и видел в глубине приоткрытую дверь, через которую рискнул кинуть взгляд в следующую залу, очень просторную, с высочайшим потолком. Это была разновидность столовой, меблированной в центре достаточно большим круглым столом, для размещения здесь за обедом более ста гостей. Тотчас там оказалось примерно с полсотни молодых людей, от пятнадцати до двадцати пяти лет, которые живо болтали. У двери, где я находился и откуда меня не было видно, я отметил, что у стола не было ножек. На четырех крючках стол был подвешен к потолку, с прикрепленными на нем роликами, благодаря которым поворачивались металлические тросы. На этих роликах металлические тросы устремлялись в разных направлениях далеко к потолку, а потом проходили через кольца, зафиксированные на карнизе, с которого спускались широко по стенам, где по желанию их можно было поднять, опустить или остановить. Я пленился этим оригинальным залом для обедов: зал создавал ощущение качелей. Электрические лампы разными оттенками сияли в колбах. Я отметил, что в этом зале колбы были всех цветов спектра, с висящими на концах разной высоты нитями, как для забавы; были такие, которые доставали до плинтуса у пола. Электрические лампы с различной силой так хорошо распространяли сияние, что можно было сказать: в зале царствует свет самого солнца¹.

Я не видел мест для слуг, но через минуту гости ели блюда, которые им предлагали, слуги выходили в двери в глубине, чтобы исполнить свою работу. И другие слуги входили, толкая перед собой маленькую тележку, где на ложе из сухой древесины лежал надежно связанный живой бык. Когда на тележке, под дном которой зажглось электричество, достаточное для приготовления жареного мяса, все засияло, сразу под быком, которого быстро перевернули, появилось мгновенное ароматное пламя. В эти мгновения четыре решительных оруженосца нарезали мясо, напомнив мне довольного и усталого моего друга Рене Бертье, когда, перед тем как покинуть научную область ради поэзии или наоборот, он с помощью пилочки для ногтей пытался открыть консервную баночку с ежедневным ананасом. Гости, которым суждено было разделить эту приятность, сразу прервали беседу, чтобы выбрать кусочек на их вкус, как делают журналисты после новых колониальных завоеваний. Свежий бык был разрезан в правильных местах, и таковым оказалось мастерство мясника, что куски были разделены и пожарены, и не был нанесен ущерб жаркому. Скоро ничего не осталось, кроме кожи и скелета, что уносят в качестве контрибуции сборщики налогов.

Потом вошли, завлекая рты, двадцать птицеловов, каждый из которых нес две большие клетки, полные живых уток, которых задушили для каждого гостя. Сомелье присутствовали тут же и налили много глотков венгерского вина, и двадцать трубных возгласов одновременно раздались в четырех дверях, и начался звон щитов.

*

Эта живая трапеза показалась мне настолько ни на что не похожей, что я немного обеспокоился о судьбе, ждавшей меня в компании людей, так жаждущих крови; но они сами поднялись, и, пока зажигали кто сигары, кто сигареты, слуги освободили стол и в мгновение ока подняли к потолку все, в том числе и подушки. Зал оставался свободным от мебели, и трубачи отправились размещаться с четырьмя слепыми виолончелистами, которые исполняли модные мелодии в современном духе для тех, кто приглашал танцевать молодых людей. Но это действие не длилось больше, чем четверть часа, после чего они отправились в другую залу.

---

¹ Здесь Аполлинер ссылается на известное пристрастие Людвига Баварского к электрическому освещению. Известно, что его замки также освещались электричеством, а для освещения одного из них была даже построена первая в мире тепловая электростанция.

*

Дверь осталась открытой, и, крадучись, словно волк, я пошел вперед, видя, о чем они рассуждали; редкая мебель вокруг них, казалось, самым странным образом и без музыки танцевала. Мало-помалу эта мебель надувалась, раскачивалась, как поэт в салоне, возвышаясь и, поднимаясь, и скачкообразно увеличивалась. Вдруг обстановка приняла вид удобной мебели, кожаные кресла и диваны имели вид грибов, покрытых кожей, как и остальная обстановка.

Как только мебель приняла благородный вид и перестала качаться, незнакомцы уселись в кресла и продолжили курить; четверо из них расселись вокруг стола и начали партию в бридж, которая вызвала сразу самые неприятные споры. В этот момент один из них положил на стол свою горящую сигару, и, когда, споря, красный от гнева, ударил своего противника, стол вдруг взорвался, лопнув от контакта с сигарой, как немецкий дирижабль, нарушив порядок карточной партии. Негр побежал поднимать пневматический стол, взорвавшийся от контакта с сигарой, который лежал на земле, как мертвый слон. Он предложил принести другой, резиновый, покрытый кожей стол, так как это была новая мебель, по желанию надуваемая и перенадуваемая, и, следовательно, не очень громоздкая и мобильная. Но эти господа объявили, что они больше не желают играть, и негру ничего не оставалось, как спустить мебель, свистевшую, как русский слуга, шипящий перед своим господином. Все разом вдруг покинули курительную комнату, и негр погасил электричество.

3

Я обнаружил себя вдруг в темноте, уткнулся в стену, пошел наощупь, по звуку удалявшихся голосов. Шаря, я уткнулся в лестницу, внизу которой открылась дверь, ведущая в узкий коридор, вырытый прямо в скале, в стенах которого я увидел выгравированное или написанное карандашом или углем самое странное и непристойное граффити. Приведу то, что запомнил, но завуалированную грубость некоторых терминов привести не берусь. Двойной ужасный знак украсил начальную М следующей надписи:

Микеланджело – причина яркого удовольствия Ганса фон Джагофа.

Это было написано карандашом.

Подальше – сердце, пронзенное стрелой, окруженное аспидом, и надпись такого содержания:

Клеопатра для жизни

Эрудит представит готический характер пожелания, изумившего меня, сообщенного Грозвицем, драматургом:

Мне бы хотелось заниматься любовью с абатиссой Гандершейм.

История Франции вдохновила анонима, восхищавшегося 18 веком, на самые неистовые изъявление чувств:

Мне нужна мадам Помпадур

Эти надписи на стенах были нацарапаны металлическими остриями. И вот набросок трех крылатых выражений разного размера:

*У меня была в один и тот же вечер
Одна и та же тирольская красавица 17 века
В возрасте 16, 21 и 33 лет
И я смогу еще потом иметь
В свои семьдесят лет, но
Я иду под руку с Николаем.*

Англоман простучал полным категоричного признания синим карандашом:

*Неизвестный англичанин времен Кромвеля
Стерпит всё*

Подпись: Вилли Хорн

Надпись, широко намеченная углем и почти стершаяся местами, мерещилось, взрывалась саркастическим смехом, который мне показался почти неприличным на этом невообразимом графическом кладбище:

*Мне досталась вчера графиня Терниска
в возрасте 17 лет, которая
и в 45 будет хорошо звучать.*

Х. фон М.

Наконец я не смел поверить слишком дерзновенному сообщению, по сравнению с предшествующими граффити и, несмотря на всю невероятность предположения, страстному и полному искренности признанию фаворита короля Генриха III:

Я люблю Келюса до безумия

Эти многозначные и странные записи мне показались удивительными. Пронзенные сердца, сердца пламенные, сердца сомневающиеся, и еще другая эмблема: волосатые крылья или голые, безбородые или мужественные, гордые или униженные фаллосы, неуклюжие или умеющие летать, одиночные или сопровождаемые спутниками, украшали поверхность любого герба, причудливого и двусмысленного.

Я решительно пошел в коридор, где имелась дверь, и вошел без стука, дверь была наполовину завешена тяжелым гобеленом; я видел того, кто прошел через залу, пол которой был мягким, покрытым коврами, подушками, подносами, нагруженными прохладительными напитками. На стенах достаточно низко располагались несколько умывальников, возвышался кран, двигавшийся в форме носа, который могли использовать как таз или чашу. Юная команда, за которой я до сих пор следовал и перемещался, укрылась в комнате. Молодые люди возлежали там. На матрасах, которые покрывали землю, мы видели несколько деревянных коробок. Молодые люди находились один подле другого и были ничем не заняты. Один из них разместился рядом с дверью, где я прятался.

Они внимательно смотрели какие-то альбомы, которые имелись в изобилии, мне показалось потом, что это были альбомы с академическими фотографиями обнаженной натуры, мужчин и женщин. Эффект, ожидавшийся от этих фотографий, был создан, так что они рассматривали фотографии со всем возможным непристойным вниманием.

Они выставляли напоказ свою силу, открывали коробки и приводили в действие работавшие медленно приборы, в достаточной степени напоминавшие валы фонографа. Участники действия опоясались потом чем-то вроде пояса, который поддерживал конец прибора, и мне показалось, что все они напоминают Иксиона, когда он ласкает обнаженный призрак невидимой Юноны². Руки молодых людей сбивались перед прибором, как будто они прикасались к мягкому и обожаемому телу. Их рты создавали ощущение воздушного поцелуя. Тотчас они стали более блудливы и резвы и, казалось, сочетались браком с пустотой. Я был приведен в замешательство, как будто сопровождал их беспокойные игры фаллических сумасбродств в колледже; из их ртов исходили звуки, любовные фразы, сладострастные стоны, древние имена, среди которых я узнал очень мудрого Гелиоса, имя некой де Лолы Монт, происходившей, я не знаю, с какой плантации Луизианы 18 века; кое-кто говорил о паже («о моем прекрасном паже»).

Об этой оргии мне рассказали вскоре надписи в коридоре. Я с большим вниманием прислушался к игривым терминам, присутствовал при исполнении всех желаний этих вольнодумцев, находивших наслаждение в руках смерти.

«Коробки, – сказал я себе, – это подобие урн, куда помещают останки влюбленных».

Мысль эта перенесла меня, я чувствовал в унисон с этими распутниками, и, протянув руку, схватил у двери, возле которой никого не было, найденный там ящик. Я открыл его,

---

² Юнона – древнеримская богиня брака, рождения, материнства, супруга Юпитера.

потом сделал движение, словно активировал его, подражая действиям молодых людей, опоясал себя ремнем вокруг поясицы, и это тотчас сформировало перед моим восхищенным взором обнаженные тела, которые с наслаждением мне улыбались.

4

В коридоре мужские и женские граффити и прославленные имена исполнили меня отвращением, но гордость быть за пределами ужасного дома Тинтаридов переполняла меня, и я почти не мог читать написанное карандашом:

Я наставил рога лебедю...

После чего, полный беспокойства, я не мог больше выдерживать атмосферу этого подземного дома, где ничего не было сверхъестественного, конечно, но все было так ново для меня; я хотел вернуться к выходу, без встречи с кем-то, кто бы мог меня заметить. И мне это удалось, так как, вместо того чтобы вернуться в апартаменты, которые я пересек, я сразу обнаружил себя, всего дрожащего, в огромной зале, где на возвышении были три ступеньки и сидение со сломанными ножками, разновидность разобранного трона, позади которого висел ковер, с конусным щитом из серебра и лазури. На стене, где открывалась дверь, в которую я вошел, были повешены картины, представляя жизнь в цвете, с сиянием света.

В глубине органа сложена была стена, и рядом, как рыцари в латах, словно осуществляли надзор отполированные трубы. На органе закрытая партитура была богато отделана:

Подлинная партитура «Золото Рейна»

Зал был выложен редким мрамором серпентином, добывавшимся в Италии и на Корсике, и медью. Имелись также прозрачные стеклянные плиты, сквозь которые проникал свет, то красный, то лиловый. Этот свет не сиял в одной точке зала, освещенного большими искусственными окнами; искусственное освещение шло сюда, как днем. На некоторых местах этих плит я видел пятна крови, и в углу находились театральные сваи из позолоченной меди и бисера.

*

Здесь настал самый волнующий эпизод моего путешествия, так как я хотел выйти оттуда и не осмеливался вернуться к своему месту; не создавая шума, я случайно открыл маленькую дверь рядом с органом. Было почти восемь вечера. Я кинул взгляд в большую залу, где не было меньше света, чем когда я стоял там, а весь воздух был пропитан ароматом роз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.